

АЛЕКСИС
АНДРЕ

18+

роман

Пятнадцать
псов

Большой роман

Андре Алексис

Пятнадцать псов

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

Алексис А.

Пятнадцать псов / А. Алексис — «Издательство АСТ»,
2015 — (Большой роман)

ISBN 978-5-17-139151-5

— Интересно, — сказал Гермес, — что было бы, обладай животные человеческим разумом. — Готов поспорить на год служения, — произнес Аполлон, — что животные, заполучив человеческий разум, станут еще несчастнее людей. С этого все и началось. Пари в баре между богами Гермесом и Аполлоном привело к тому, что они даровали человеческое сознание и язык пятнадцати псам. Получив новые способности, собаки теряют покой. Одни пытаются игнорировать этот дар, желая оставаться частью собачьей стаи, другие принимают перемены. Боги наблюдают, как псы пытаются исследовать человеческий мир, как они смертельно враждуют между собой, и каждый борется с новыми мыслями и чувствами. Хитрый Бенджи переезжает из дома в дом, Принц становится поэтом, а Мэжнун налаживает взаимопонимание с человеком на каком-то глубинном уровне. Так кто же из богов выиграет спор? И будет ли хоть один из псов, получивших удивительный дар, счастлив под конец жизни?

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-17-139151-5

© Алексис А., 2015

© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Действующие лица	6
1. Пари	7
2. Мэжнун и Бенджи	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Андре Алексис Пятнадцать псов

André Alexis

FIFTEEN DOGS

Copyright © André Alexis, 2015

© Орлова Е., перевод 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Оформление обложки Екатерины Андреевой

* * *

Линде Уотсон

*Почему существует день,
почему должна наступить ночь...*

Пабло Неруда, «Ода псу»

Действующие лица

Агата, старый лабрадудль

Афина, коричневый тикап пудель

Аттикус, внушительный неаполитанский мастиф с висячей мордой

Белла, немецкий дог, подруга Афины по стае

Бенджи, находчивый и коварный бигль

Бобби, неудачливая сука новошотландского ретривера

Дуги, шнауцер, приятель Бенджи

Фрик, лабрадор-ретривер

Фрак, лабрадор-ретривер, младший брат Фрика

Лидия, помесь уиппета и веймаранера, измученная и нервная

Мэжнун, черный пудель, фигурирующий в тексте также как Лорд Джим или просто

Джим

Макс, дворняга, презиравший поэзию

Принц, дворняга, сочинявший стихи, известный также как Расселл и Элвис

Роналдинью, дворняга, сетовавший на снисходительность людей

Рози, немецкая овчарка, близка с Аттикусом

1. Пари

Однажды вечером в Торонто Аполлон и Гермес сидели в баре «Пшеничный сноп». Аполлон отрастил окладистую бороду. Гермес же, более щепетильный по отношению к внешнему виду, был гладко выбрит и одет определенно по-земному: черные джинсы, черная кожаная куртка, голубая рубашка.

Они выпивали, но пьянил богов не алкоголь, а атмосфера поклонения, вызванная их присутствием. «Пшеничный сноп» превратился в их храм, и сыновья Зевса наслаждались этим. В уборной Аполлон даже позволил немолодому мужчине в деловом костюме ненароком себя задеть. И это удовольствие, более острое, чем он когда-либо знал или познает, стоило ему восьми лет жизни.

В баре-то боги и завели путаный разговор о человеческой природе. Забавы ради говорили они на древнегреческом, и Аполлон доказывал, что как вид люди не лучше и не хуже, чем любой другой, скажем, блохи или слоны. Люди, утверждал Феб, не обладают никаким особенным достоинством, хотя и мнят себя венцами творения. Гермес, напротив, уверял, что человеческий способ создания и использования символов куда изобретательнее, чем, к примеру, сложный танец пчел.

– Человеческие языки слишком туманны, – заметил Аполлон.

– Возможно, – ответил Гермес, – но это и делает людей занимательными. Просто послушай их. Можно поклясться, будто они понимают друг друга, хотя ни один из них и понятия не имеет, что на самом деле значат его слова для другого. Разве не забавно наблюдать за этим фарсом?

– В занимательности я им не отказывал, – возразил Аполлон. – Но лягушки и мухи занимательны не меньше.

– Сравнение людей с мухами нас никуда не приведет, сам знаешь.

На совершенном английском, хотя и в его божественной версии – то есть на английском, который каждый посетитель бара услышал со своим родным акцентом, – Аполлон спросил:

– Кто заплатит за нашу выпивку?

– Я, – вызвался бедный студент. – Пожалуйста, позвольте мне.

Аполлон положил юноше руку на плечо.

– Мы с братом благодарны тебе. Каждый из нас выпил по пять слиманов¹, так что не знать тебе голода и нужды десять лет.

Студент с поцелуем припал к руке Аполлона а, когда боги вышли, обнаружил в кармане сотни долларов. Бог не соврал – пока парень носил те же штаны, что были на нем в тот вечер, в карманах у него водилось больше денег, чем он мог потратить, а до момента, когда вельвет совсем протерся, прошло ровно десять лет.

Выйдя из бара, боги направились на запад от Кинг-стрит.

– Интересно, – сказал Гермес, – что было бы, обладай животные человеческим разумом.

– А мне любопытно, оказались бы они так же несчастны, как и люди, – отозвался Аполлон.

– Кто-то из людей счастлив, кто-то – нет. Разум – нелегкий дар.

– Я бы поставил год прислуживания одного из нас другому, – произнес Аполлон, – на то, что животные – любые, на твой выбор, – заполучив человеческий разум, станут еще несчастнее людей.

¹ Имеется в виду канадская пивоварня «Слиман», принадлежащая японскому холдингу Саппоро. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

– Человеческий год? Ставку принимаю, – усмехнулся Гермес, – но с условием, что если хотя бы одно животное, умирая, будет счастливо, то я выиграл.

– На то воля случая, – сказал Аполлон. – Даже лучшие жизни порой заканчиваются трагедией, а худшие, напротив, ждет счастливый финал.

– Согласен, но все же нельзя сказать, что за жизнь была, пока она не подошла к концу.

– Говорим ли мы о жизни или существовании? Впрочем, неважно. Как бы то ни было, твои условия я принимаю. Человеческий разум – вовсе не дар. Скорее, чума – иногда, впрочем, небесполезная. Каких животных ты выбираешь?

За разговором боги не заметили, как оказались неподалеку от ветеринарной клиники на пересечении Кинг-Стрит и Шоу. Войдя незамеченными, они увидели преимущественно собак: владельцы оставили питомцев на ночь.

Что ж, собаки – так собаки.

– Сохранить ли мне им воспоминания? – спросил Аполлон.

– Да.

И бог света даровал человеческий разум пятнадцати псам из питомника.

Где-то около полуночи Розы, немецкая овчарка, оторвалась от вылизывания промежуности и задалась вопросом, как долго она находится там, где находится. Ее вдруг взволновала судьба последнего приплода, которым она оценилась. Как же несправедливо, что кто-то должен пройти через муки родов только для того, чтобы потом потерять своих щенят из виду!

Розы поднялась попить воды и уткнулась носом в твердую таблетку. Принюхиваясь к еде в неглубокой миске, собака внезапно поняла, что миска оказалась не просто темной, как обычно, она приобрела странный оттенок. Миска поражала воображение. На самом деле она была обычного жвачно-розового цвета, но Розы, никогда не видевшей такого оттенка, он казался прекрасным. До самой кончины овчарки ни один цвет для нее и рядом не встал с этим.

В клетке по соседству серому неаполитанскому мастифу Аттикусу снилось широкое поле, кишевшее сотнями пушистых зверьков – крысами, кошками, кроликами и белками – они уносились вверх по траве, словно подол платья, подхваченный ветром. То был любимый сон Аттикуса, неизменно его радовавший, все всегда заканчивалось тем, что пес гордо нес сопротивляющееся создание любимому хозяину. Хозяин забирал зверька, швырял его о камень и трепал Аттикуса за холку, зовя по имени. Сон всегда заканчивался именно так. Но не этой ночью. Этой ночью, когда Аттикус прикусил одного из зверей за шкуру, ему подумалось, что существу, должно быть, больно. Эта мысль – яркая и беспрецедентная – пробудила его ото сна.

Собаки в питомнике просыпались, пораженные странными снами или внезапным осознанием неясных изменений вокруг них. Те, кто не спали, – а спать вдали от дома всегда тяжело – подскочили к дверцам клеток посмотреть, кто пришел: словно повисшую тишину вот-вот нарушат чьи-то шаги. Поначалу каждый из них решил, что их новоприобретенное сознание уникально. Но постепенно стало ясно, что все они разделили этот странный мир, в котором теперь обречены жить.

Черный пудель Мэжнун тихо тьякнул. Он стоял, не двигаясь, внимательно изучая Розы, сидевшую в заточении напротив него. Однако в действительности его мысли занимал замок на ее клетке: удлиненная петля, соединенная с задвижным болтом. Петля, крепившаяся между двух прутьев, надежно фиксировала болт, удерживая дверцу закрытой. Конструкция была простой и элегантной. Для того, чтобы открыть клетку, требовалось лишь поднять петлю и отодвинуть засов. Стоя на задних лапах, Мэжнун вытянул лапу и попробовал отодвинуть засов. Ему потребовалась не одна попытка, было неудобно, но через некоторое время клетка открылась.

Хотя большинство собак и поняли, как Мэжнун выбрался, но последовать его примеру смогли далеко не все. Причины были разные. Фрик и Фрак, два годовалых лабрадора, которых оставили на ночь на стерилизацию, были слишком юны и нетерпеливы для того, чтобы открыть

клетку. Собаки поменьше – шоколадный тикап пудель Афина, шнауцер Дуги, бигль Бенджи – знали, что физически не способны достать до болта, а потому скулили, пока клетки не открыли за них. Собаки постарше, например, лабрадудль Агата, слишком устали и растерялись, чтобы думать ясно; к тому же они так и не разобрались, нужна ли им свобода или нет, даже после того, как клетки для них распахнули другие.

У собак, конечно, был свой язык. То был язык, обнаженный до самой своей сути, язык, в котором единственным, что имело значение, оставалось положение в «обществе» и физическая нужда. Все они понимали самые важные фразы и мысли: «прости меня», «я тебя укушу», «я голоден». Естественно, наложение человеческого образа мышления изменило то, как собаки говорили с другими и с собой. Например, там, где прежде отсутствовало слово для двери, теперь появилось понимание, что «дверь» является предметом, связанным с потребностью в свободе, что она существует независимо от собак. Любопытно, что слово «дверь» в новом песем языке этимологически происходило не от дверцы их клеток, но от задней двери клиники. Стоило им только нажать на металлический засов, и та самая, большая и зеленая задняя дверь с лязганьем открылась. С этой ночи псы условились, что слово «дверь» будет обозначать щелчок (язык у верхнего неба), сопровождаемый вздохом.

Сказать, что псы оказались в замешательстве, было бы серьезным преуменьшением. Если они были «в замешательстве», когда в их сознании произошла перемена, в каком тупике находились они сейчас, выбравшись из клиники через запасный выход, когда увидели Шоу-стрит и внезапно поняли, что дверь ветеринарной клиники захлопнулась у них за спиной и теперь они оказались беспомощными и свободными; открывшийся им мир представлял собой хаос шумов и запахов, которые значили для них теперь больше, чем когда-либо.

Где были они? Кто поведет их?

Для троих из них это странное происшествие закончилось прямо здесь. Агату мучили ужасные боли, ее оставили в клинике, чтобы усыпить, поэтому собака не видела смысла в том, чтобы идти с остальными. Она прожила достойную жизнь, принесла троих щенят и встречала подобающее уважение от сук, которых иногда видела на прогулке. Она не хотела и сантиметра пространства, в котором не было ее хозяйки. Агата легла у дверей клиники и дала понять остальным, что никуда не пойдет. Она не знала, что это решение приблизило ее смерть. Ей не пришлось в голову – не могло прийти – что хозяйка бросила ее встречать смерть в одиночку. Хуже всего было то, что утром, когда сотрудники клиники обнаружили ее, – вместе с дворняжками Роналдинью и Лидией – добры они не были. Свою злость они выместили на Агате, швырнув ее на металлический стол, где собирались усыпить. Один из работников ударил ее, когда она подняла морду в попытке его укусить. Едва завидев стол, она поняла, что ей пришел конец, и последние мгновения ее жизни ушли на бесплодные попытки выразить желание увидеть свою хозяйку. В смятении Агата хрипло лаяла слово, означавшее «голод», вновь и вновь, пока не испустила дух.

Хотя Роналдинью и Лидия прожили дольше, их участь оказалась не лучше. Собак оставили в клинике из-за легкого недомогания и вскоре возвратили благодарным владельцам. Но в каждом из случаев новый образ мышления отравил то, что было (или помнилось таковым) идиллическими и сравнительно долгими жизнями. Роналдинью жил в семье, которая его любила, но по возвращении из клиники он начал замечать, что любовь эта на поверку оказалась снисходительным приятельством. Несмотря на очевидные признаки перемен, с ним обращались, словно он не более чем игрушка. Пес выучил их язык. Он сидел, вставал, притворялся мертвым, переворачивался или просил угощение прежде, чем команды были произнесены до конца. Он научился выключать плиту, когда свистел чайник. А однажды, когда в его присутствии заявили, что собаки не умеют считать до двадцати, пес уставился на того, кто это сказал, и пролаял – иронично, едко – двадцать раз. Никто не заметил или не придал этому значения.

Возможно, что еще хуже, семья как раз подозревала, что Роналдинью не был «прежним собой», и потому сторонилась его, небрежно трепля по загривку и морде как будто в память о том псе, которым он когда-то был. Он умер ожесточившимся и разочарованным жизнью.

Лидии пришлось хуже. Помесь уиппета (по матери) и веймаранера, она всегда была созданием нервным. Человеческое сознание принесло ей еще больше волнений. Она тоже выучила язык своих хозяев, дотошно выполняя все, что от нее хотели, – иногда даже предвосхищая сказанное. Снисходительно-высокомерное отношение хозяев ее не оскорбляло. Лидия страдала от их невнимательности и небрежности, потому что вместе с «умом примата» к ней пришло и острое чувство времени. Течение времени, каждое мгновение – словно зудящий под кожей чесоточный клещ, были невыносимы. Эти мучения стихали только в присутствии хозяев, в их компании. Поскольку ее хозяева, пара, от которых пахло сиренью и цитрусовыми, всю неделю отсутствовали по восемь часов кряду, страдания Лидии были ужасны. Часы она проводила в мольбах, лая и воя. Наконец, когда ее разум больше не мог выносить нескончаемой агонии, он нашел типично человеческое прибежище от мучений: кататонию. Однажды хозяева обнаружили ее в гостиной: неподвижную, с открытыми глазами. И отвезли в ту же клинику на Шоу, и когда ветеринар сказал им, что помочь ничем не может, собаку усыпили. Хозяева Лидии не были внимательными, но они были сентиментальными. Они похоронили Лидию в саду за домом, высадив на месте ее упокоения ковер из желтых цветов.

Двенадцать псов, выбравшихся с Шоу, обуревало множество эмоций, не последнее место среди них занимало замешательство. Мир вокруг казался новым и удивительным и в то же время – знакомым и обыденным. Ничто не должно было их удивить, но все удивляло. Стая осторожно двигалась на юг по улице Страчан: через мост, вниз к озеру.

К берегу озера их тянуло инстинктивно. Сочетание запахов вокруг манило собак так же, как утренний запах пекарен притягивает людей. Во-первых, само озеро: кислое, растительное, рыбное. К этому примешивался запах гусей, уток и других птиц. Еще соблазнительнее благоухало птичье дерьмо – похоже на салат, обжаренный на гусином жире. И наконец мимолетные ароматы: вареная свинина, помидоры, говяжий жир, кукуруза, хлеб, сладости и молоко. Никто из псов не мог устоять, несмотря на то, что вдоль озера негде было спрятаться, явись за ними хозяева.

И хотя сопротивляться влечению озера было почти невозможно, Мэжнун все же решил, что именно это они и должны сделать. Ему пришло в голову, что город – место, где обитают существа, боящиеся собак, которые отказывались выполнять приказы, – худшее укрытие. Что им действительно нужно, размышлял Мэжнун, так это место, где они в безопасности обдумают, как им быть дальше, найдут решение, которое бы устроило всех. Еще он подумал, что Аттикус, вставший во главе стаи, вовсе не обязательно должен быть тем, кто поведет их за собой. Эта мысль посетила его не потому, что он сам мечтал о лидерстве. Нет, хотя нынешнее приключение и увлекало его, и он был доволен компанией, но с людьми Мэжнун чувствовал себя комфортнее. Он не доверял другим собакам. Поэтому и лидерство его не прельщало. С настоящими заботами – пищей, кровом, водой – придется иметь дело каждому, но кто поведет их, и за кем согласится последовать он сам?

Было темно, луна изредка выглядывала из карманов облаков. Четыре утра мир заполнили тени. Ворота павильона Канадской национальной выставки выглядели так, словно вот-вот рухнут и придавят кого-то своей тяжестью. Машин было немного, но Мэжнун все равно ждал, пока в конце улицы загорится зеленый. Половина стаи – Розы, Афина, Бенджи, дворняжка из Альберты Принц и новошотландский ретривер по кличке Бобби – ждала вместе с ним. Остальные – Фрик, Фрак, Дуги, немецкий дог Белла и дворняга Макс – беспечно пересекли бульвар вместе с Аттикусом.

Перейдя дорогу, псы увидели темное шумящее озеро; вдоль берега валялся разный мусор: кусочки еды и прочие мелочи, которые нужно было вынюхивать. Аттикус, мастиф с висячей мордой и развитым охотничьим инстинктом, учуял мелких зверьков – вероятнее всего, крыс и мышей – и хотел броситься на их поиски. Остальных он призвал отправиться на охоту вместе с ним.

– Зачем? – спросил Мэжнун.

Вопрос, заданный на новой вариации собачьего языка, прозвучал ошеломляюще. Аттикус никогда не размышлял над тем, не стоило бы воздержаться от еды и охоты на крыс и птиц. Пес задумался над этим «зачем?», рассеянно облизнув морду. Наконец – тоже на новом языке – он проговорил:

– Почему бы и нет?

Обрадованные Фрик и Фрак немедленно с ним согласились.

– Почему бы и нет? – повторили они. – Почему нет?

– Куда мы спрячемся, если придет хозяин? – спросил Мэжнун.

Так искусно вопрос не задала бы ни одна собака. То, что крылось за ним, пробуждало противоречивые чувства. Мэжнун хотя и уважал своего хозяина, но догадывался, что все псы не прочь спрятаться от своих прежних владельцев. Мэжнун считал, что свобода важнее уважения. Но противоречивые чувства вызвало у стаи само слово «хозяин». Для некоторых мысль о хозяине была утешительной. Принц, еще по приезде в город разлученный со своим хозяином Кимом, был готов на все, чтобы найти его. Афина привыкла всеми своими тремя с половиной фунтами веса, что ее всюду носят, и уже измучилась поспевать за стаей. Столкнувшись с необходимостью преодолевать такие расстояния, с неопределенностью, которая теперь, казалось, стала их уделом, она бы радостью подчинилась тому, кто будет ее кормить и носить. Однако большинству других, более крупных псов перспектива подчиниться, похоже, не нравилась, и Афина притворилась, что и ей это не по нраву.

Даже позиция Мэжнуна была двойственной. Он всегда гордился своей способностью делать то, о чем просил его хозяин. Он выслуживал печенья и другие угощения, но сам ритуал его возмущал. Иногда ему приходилось бороться с желанием убежать. Говоря по правде, он бы и сбежал, если б мог забрать с собой разные вкусности – не только их, попрошу заметить, но и ощущение, их сопровождаемое: похлопывания, то, как говорил с ним хозяин, когда был доволен. Конечно, теперь, обретя свободу, об угощениях он уже и не помышлял.

Фрик и Фрак, оба слишком незрелые, чтобы постигнуть удовольствия рабства, были единственными, кто без долгих раздумий согласился, что стае понадобится укрытие на случай появления хозяина.

Аттикус, знавший чувства столь же богатые на оттенки, как и Мэжнун, однако, не согласился:

– Зачем прятаться? Разве у нас нет зубов?

Он оскалился, и псы осознали весь ужас его предложения.

– Я бы не смогла укусить мою хозяйку, – произнесла Афина. – Она была бы недовольна.

– Не знаю, что тебе сказать, – ответил Аттикус.

– В словах маленькой суки есть смысл, – вмешался Мэжнун. – Если мы начнем кусать хозяев, нас заметят, и наша свобода им не понравится. Я видел много побитых свободных собак. Мы не должны кусать, если только не нападаем. И нам нужно найти укрытие.

– Это все пустая болтовня, – сказал Аттикус. – Не собачье это дело – так много говорить. Мы найдем еду. После поищем укрытие.

И псы отправились на охоту. Вернее, кто-то отправился за тем, что они считали едой, а другие – за животными, которые по старинке с ней ассоциировались. И, надо сказать, стая преуспела. Инстинкты безошибочно привели собак к небольшим зверькам – четыре крысы, пять белок – которых псы убили ловко и деловито, загнав бедных созданий в угол или напад

из засады. Спустя два часа, когда утреннее солнце осветило землю и окрасило озеро в голубовато-зеленый, они нашли крыс, белок, булочки для хот-догов, обьедки гамбургера, пригоршню жареной картошки, наполовину съеденные яблоки и какие-то сладкие конфеты, до того извлеченные в грязи, что трудно было угадать, чем они были до этого. Жаль только, что им не удалось поймать ни одного гуся. К слову, большинство собак воздержались от мяса мелких зверей и довольствовались обьедками человеческой еды. Они оставили безголовые, лишь наполовину прожеванные останки крыс и белок лежать аккуратным рядом на холме неподалеку от спортивного комплекса.

В последующие дни по ряду признаков – как неуловимых, так и вполне очевидных – стало заметно, что их новоприобретенная осознанность привела к коллективным изменениям. Начать хотя бы с того, что новый язык развивался внутри стаи, изменив их манеру общения. Особенно это проявилось в Принце. Он постоянно искал внутри себя слова и делился ими с другими. Принц, например, изобрел слово для «человека» (весьма приблизительно это звучало как «гррр-аххи», звук рычания и следующий за ним – звук, типичный для человека). Это было значительным достижением, теперь псы могли говорить о двуногих вне отношений подчинения. Принц придумал то, что могло считаться первой собачьей остротой: слова в новом языке, обозначающие «кость» (весьма приближенно «ррр-ай») и «камень» («ррр-ий»), звучали очень похоже. Когда однажды вечером Принца спросили, что он ест, он ответил «камень», указывая на кость. Некоторые собаки нашли эту первую игру слов забавной и точной, ведь кости, о которых шла речь, тяжело жевались.

Псы наловчились в охоте и стали более разборчивыми в еде, постепенно осваивая свою территорию: Паркдейл и Хай-парк, от Блура до озера, от Виндимир до Страчан. Все собаки быстро нашли места, где могли собираться, не привлекая чрезмерного людского – или собачьего – внимания. Более того, вдохновленные наблюдениями Принца о солнечном свете и тени, они научились делить день на части. Иными словами, сообщая, они обнаружили пользу времени. (День, с момента появления солнца и до его захода был разбит на восемь неравных отрезков времени, каждый из которых получил свое название. Ночь, с момента установления в мире тишины и до первых шумных трелей птиц, разделили на одиннадцать частей. Таким образом, собачий день состоял из девятнадцати, а не двадцати четырех частей.)

Отчасти, эти новые отношения со временем и местом повлияли на создание их убежища. Аттикус мыслил практично и сумел убедить собак (хотя он и не доверял новому языку с самого начала) обосноваться на поляне в Хай-парке под сводом елей и сосен, куда они сразу же натаскали теннисные мячики, кроссовки, одежду, одеяла, пищащие игрушки... да все, что нашли, только чтобы сделать место более уютным. Они не собирались оставаться на этой поляне навсегда. Аттикус сказал, что это временное убежище, место для встреч в преддверие ночи, но вскоре поляна стала им домом. Домом, который пах сосновой смолой, псиной и мочой.

Возможно, самым ярким признаком того, что «мышление двуногих» может быть полезно, оказались взаимоотношения Беллы и Афины. Они были одного возраста – обеим по три года – но в Афине весу всего три или четыре фунта, да и лапы у нее были короткие. Она не поспевала за остальными в стае. Белла же была трех или четырех футов роста и весила где-то около двухсот фунтов. Бегала она нечасто. Белла не была самой задумчивой из собак, но двигалась она с некоей рассудительной неспешностью, весьма величественно. Увидев, как Афина не успевает за ними и вспомнив, как четырехлетняя девочка каталась у нее на спине, Белла предложила «покатать» Афину.

Для Беллы это не составило никакого труда. Она опустилась на колени, поджав передние лапы, и подождала, пока Афина заберется на нее. С этим Афина справилась, хотя сначала почти сразу же падала, а с высоты Беллы падать было больновато. Однако она быстро приоровилась. На третий день, цепляясь когтями для устойчивости, прикусив шею Беллы, чтобы держаться на месте, Афина уже так хорошо балансировала, что скинуть ее теперь было

не так-то просто. Особенно занимательным это зрелище стало, когда несколько дней спустя Белла – с ее трусящей аритмичной походкой – наловчилась настолько, что могла перейти на бег, когда захочет, ее холка поднималась и опускалась, пока Афина, пушистый пассажир на палубе корабля, радостно балансировала наверху.

То, что поначалу было развлечением двух сук, сблизившихся, словно щенки из одного помета, вскоре превратилось в источник неприятностей для всей стаи. Афина с Беллой привлекали нежелательное внимание. Однажды, когда собаки рыскали в поисках объедков у набережной, группа молодых парней обратила внимание на Афины, восседающую у Беллы на спине. Позабавленные зрелищем, парни побежали за собаками. Странное, как могут быть странными только людские нравы, приподнятое настроение молодых людей для Беллы с Афиной было неотличимо от агрессии или неприязненности. Мальчишки набрали камней и принялись кидать их в собак. Белла не могла бежать быстро на длинные дистанции без остановок. Понемногу она замедлилась, и один из камней попал в Афины, которая взвизгнула от боли и упала со спины Беллы. Незадачливость Афины, ее боль, еще сильнее раззадорили компанию. Они нахватали еще камней, намереваясь атаковать собак.

Хотя Белла по натуре была уравновешенной собакой, которую непросто разозлить, но когда один из юношей приблизился к ней, она сразу же заняла оборонительную позицию и была готова убивать. Воспользовавшись единственной хитростью, которая пришла ей на ум, рассчитывая первым вывести из строя самого большого из нападавших, Белла устремилась на него, рыча. Она бросилась на заводилу прежде, чем он или кто-либо другой, успел среагировать или убежать. Всеми своими двумястами фунтами она бросилась ему на горло, и, не вытяти он в самый последний момент руку, она бы перегрызла ему шею. Вместо этого собака вцепилась парню в правую руку, прокусив ее до кости. Кровь хлынула струей, парень закричал. Остальные ошеломленно застыли, никак не реагируя на крики своего друга. Их страх работал на Беллу. В одно мгновение, покончив с первым, она рванула к следующему, кто был к ней ближе всего. Он побежал прочь, истошно вопя, позабыв о своих товарищах.

Аттикус и Мэжнун, рыскавшие поблизости в поисках объедков, прибежали на звуки драки, зарычали и бросились в погоню. Они хотели удостовериться, что компания не вернется, однако парням было уже не до этого. Иными словами, разгром был сокрушительным. Шестеро или семеро мальчишек, каждому из которых не больше четырнадцати, оказались повержены. Убедившись, что Афина отделалась довольно легко – над левым глазом у нее кровил комок слипшейся шерсти – Мэжнун заметил:

– Это не хорошо. Люди не любят, когда их кусают. Нам придется уйти отсюда.

– Согласен, это не хорошо, – ответил Аттикус. – Но почему мы должны уходить? Они будут искать этих двоих. Сукам надо исчезнуть из поля зрения. Это большая нанесла урон. Они придут за ней, но не за нами.

– Я не согласен, но и не не согласен, – произнес Мэжнун.

Теперь собакам пришлось быть осторожнее. Белла и Афина искали еду в Хай-парке и держались поближе к поляне, стараясь не появляться на берегу озера. Афина забиралась Белле на спину только вечерами, под покровом сумерек. В течение дня остальные псы передвигались небольшими группами, не больше двух-трех собак, чтобы привлекать как можно меньше внимания.

Эти меры предосторожности были приняты из-за людей. Не то чтобы люди очень опасны – они непредсказуемы. В то время как один похлопывает тебя по спине или почесывает бороду, другой, на первый взгляд ничем от него не отличающийся, может ударить тебя, закидать камнями или даже убить. В общем, лучше всего людей избегать. Но вопреки опасениям, худшие стычки у псов случались не с людьми, а с другими собаками. Независимо от того, насколько вежливой и миролюбивой была стая, некоторые сородичи атаковали их сразу, без предупреждения, рыча и оскалив зубы.

– Они думают, мы слабые, – сказал Аттикус.

Но все было не так просто. Агрессию собак питал страх. Они боялись не только больших собак – Беллу или Аттикуса, Фрика или Фрака. Их пугали даже Дуги, Бенджи, Бобби и Афина, ни один из которых не мог внушать опасения ни одному существу нормального размера. Если собаки не бросались на них, то внезапно становились покорными, что тоже вызывало удивление. Маленьким собакам казалось, будто их принимали за куда большие и свирепые версии самих себя.

Двенадцать псов по-разному реагировали на изменения в статусе. Аттикус находил это положение невыносимым. Было болезненно ощущать себя обычной собакой в мире, где твои же сородичи тебя чурались. Для Аттикуса все прежние удовольствия – нюхать анус, тыкаться носом в гениталии друзей, взбираться на собак статусом ниже – теперь стали отравлены этим уродливым чувством самосознания. В этом он, Мэжнун, Принц и Роза были схожи.

Они четверо оказались склонными к вдумчивости, которую все, за исключением Принца и отчасти Мэжнуна, променяли бы на возможность вновь слиться со своим видом. Принц был единственным, кто полностью принял изменения. Для него это стало открытием нового видения, угла зрения, который делал все, что он знал прежде, странным и прекрасным.

На другом конце были Фрик, Фрак и дворняга Макс. Самосознание их тоже беспокоило, но они научились подавлять процесс мышления. Конечно, они все равно использовали свою новообетенную вдумчивость, но делали это, оставаясь верными прежнему собачьему бытию. Когда на них нападали незнакомые собаки, они бросались в бой яростно и почти сладострастно, объединяясь против врагов и загоняя их так, как делали бы это с овцами: перегрызали сухожилия, оставляя истекать кровью и страдать. Когда им встречались собаки покорные, их удовольствие было столь же острым. Эти трое совокупились бы с любыми, кто бы им позволил. В каком-то смысле, их новый (или просто другой) интеллект оказался на службе у того, что они понимали как свою сущность – у *собачьести*. Фрик, Фрак и Макс справедливо внушали страх «нормальным» собакам.

Но, на самом деле, больше всего проблем им доставляли псы из их собственной стаи. Да, девять остальных разделяли их интеллект и быстро развивавшийся язык. И да, они были единственными существами, которые их понимали. Но «понимание» было последним, чего они хотели. «Понимание» служило напоминанием, что, несмотря на все их усилия жить по-собачьи, они больше не были нормальными. То, чего они хотели от других, было либо подчинение, либо лидерство, и поначалу они не увидели ни того, ни другого.

Принц раздражал Фрика, Фрака и Макса больше всего. Дворняга, красно-коричневый, с белой манишкой на груди. Он был большим псом, но его поведение делало из него посмешище, а не угрозу. Он мог бы доминировать. Если бы не его странные идеи. Это он разделил день на части. Это он задавал бесконечные вопросы о самых рядовых вещах: о людях, о море, деревьях, о своих любимых запахах (мясо птиц, трава, хот-доги), о желтом диске над ними, в свете которого можно было согреться. Троица, разумеется, находила каламбур Принца о «кости» и «камне» отвратительным. Но если бы он на этом остановился! С поощрения других его игра с языком теперь постоянно оскорбляла ясность.

Но остроты Принца были не самым худшим. Раньше они, как и все собаки, обходились простым запасом звуков: лаем, воем, рычанием. Эти звуки были приемлемы, как и полезные нововведения, такие как слово «вода» или «человек». Однако с легкой принцевской лапы в стае появились слова для бесчисленного количества вещей. (Действительно ли каждой собаке нужно слово «пыль»?) А однажды ночью Принц сел и произнес целый набор странных слов:

На холме трава мокрая.

У неба нет конца.

Для пса, что ждет свою хозяйку

смеющую, наступит вновь рассвет.

Услышав это сочетание рычания, лая, тьяканья и вздохов, Фрак и Фрик вскочили, чтобы вцепиться в морду этой хозяйке уставшей собаки. Они решили, что хозяйка находится среди них, и уже хотели на нее наброситься. Но слова Принца не были предупреждением об опасности. Скорее, он играл. Притворялся. Говорил ради того, чтобы говорить. Можно ли было использовать слова более презренным образом? Макс вскочил, оскалившийся, готовый уку- сить.

Он и подумать не мог, что кому-то слова Принца доставят удовольствие. Афина побла- годарила его за то, что воскресил в памяти холмы с мокрой травой и бескрайнее небо. Белла последовала ее примеру. И не помышляя о том, что Принц оскорбляет их язык, многие псы почувствовали, что эта игра со словами привнесла что-то неожиданное и прекрасное.

– Я был тронут, – сказал Мэжнун. – Пожалуйста, сделай так еще раз.

Принц исполнил еще одно сочетание завываний, рявканья, тьяканья и щелчков.

*Вдали за холмами хозяин живет,
Что знает нас всех имена.
Белая кость зовет нас домой
Зимой, осенью или весной.*

Большинство псов сидели в тишине, без сомнения, пытаясь понять, что имел в виду Принц. Но для Макса это оказалось уже слишком. Дело было не только в том, что Принц иска- жал их ясный, благородный язык. Дело было в том, что Принц перешел черту собачести. Ни одна настоящая собака не произнесла бы такой вздор. Принц недостойн быть одним из них. Ради защиты их истинной природы кто-то должен был что-то сделать. Макс чувствовал, что Фрак и Фрик думали так же, но он хотел быть первым, кто укусит Принца, унизив его, или вынудит покинуть стаю. Он бросился на Принца, даже не зарычав. Пес был в его власти. Макс уже собирался вцепиться дворняге в шею, когда на помощь Принцу неожиданно пришел Мэж- нун. Не успели Фрик с Фраком вмешаться, как Мэжнун повалил Макса на землю, сомкнув челюсти на его шее. Макс обмочился, показывая, что сдается, и лежал, не двигаясь.

– Не убивай его, – сказал Фрак.

Мэжнун предостерегающе зарычал, прикусывая сильнее. Выступила кровь.

– Пес прав, – вмешался Аттикус. – Нехорошо убивать одного из своих.

Мэжнун каждой своей клеткой чувствовал, что убийство Макса будет правильным поступком. Как будто знал, что придет время, когда он будет обязан его убить. Так почему не сейчас? Но он прислушался к Аттикусу и выпустил Макса, и тот быстро отбежал, поджав хвост.

– В насилии не было нужды, – сказал Аттикус. – Пес всего лишь пытался продемонстри- ровать свои чувства по поводу слов, что мы услышали.

– Его намерения не были тайной, – не согласился Мэжнун.

– Ты поставил его на место, – сказал Аттикус. – Ты правильно сделал.

За исключением Фрака и Фрика – которые нарочно *не думали* – большинство псов были ошеломлены произошедшим между Максом и Мэжнуном. В прежние времена они бы сказали, что наблюдали борьбу за доминирование, борьбу, которую Мэжнун очевидно выиграл, повы- сив свой статус. Но все осложнялось из-за Принца. Принц оскорбил Макса. Слова Принца оскорбили Макса. Так псы дрались из-за слов или из-за статуса? Могут ли собаки драться на смерть из-за слов? Было странно даже помыслить о таком.

Белла и Афина лежали рядом и уже засыпали, когда Афина вдруг сказала:

– Эти самцы дерутся по любому поводу.

– Нас это не касается, – ответила Белла.

Они решили, что вопрос исчерпан, и вскоре уснули. Афина тихонько рычала во сне на белку, которая была намного меньше нее, но нарочно ее дразнила.

Два вечера спустя после потасовки Аттикус заговорил с Мэжнуном.

Наступила осень. Листья поменяли цвет. Ночь сделалась непрогляднее и холоднее. Стая установила распорядок: поиск объедков, избегание людей, охота на крыс и белок. Поляна под ельником давала им укрытие от дождей и ветров. И хотя поначалу они рассматривали ее как временное пристанище, как место, где они могли бы обдумать случившееся, вскоре поляна стала псам домом, и все сложнее было представить, что ее можно покинуть.

Мэжнун ожидал, что Фрик, Фрак, Макс или Аттикус вызовут его на разговор. Он ожидал, что один из них поднимет вопрос о лидерстве. Стая без вожака уже какое-то время, необычная ситуация. И хотя он сам вожаком быть не стремился, было бы оскорбительным навязать стае Аттикуса, – наиболее вероятного кандидата – не спросив сначала его (то есть, Мэжнуна) мнения. В прежние времена они бы, вне всякого сомнения, решили это дракой. Но после произошедших в них перемен физическое состязание больше не казалось, по крайней мере, Мэжнуну, лучшим способом решить такой сложный вопрос.

(Какой странной была эта перемена! Однажды, слушая, как люди обращаются к своим питомцам, Мэжнун испытал нечто любопытное. Словно солнце вдруг сожгло густой утренний туман. Он понял, что говорили люди! Не отдельные слова, которые он и сам слышал сотни раз. Мэжнун был уверен, что понял смысл, стоящий за ними. Насколько ему было известно, ни одна собака никогда не понимала человека так, как понял он в этот момент. Пудель не был уверен, проклятие это или благословение, но эта новая вещь – это понимание – определенно требовала изменения в поведении, чего-то такого, что бы помогло им справиться с неослабевающей странностью нового мира).

Мэжнун и Аттикус покинули поляну и направились в парк. Небо было усыпано звездами. Огни к югу от Квинсвей не горели. Тишину нарушал только стрекот кузнечиков: было еще недостаточно холодно для того, чтобы заставить их замолчать.

– Что мы собираемся делать? – спросил Аттикус.

Вопрос был неожиданным.

– С чем? – ответил Мэжнун.

– Я задал неверный вопрос. Я имею в виду, как мы собираемся жить дальше, учитывая, что мы теперь незнакомцы для своего же собственного вида?

– Их страхи оправданы, – заметил Мэжнун. – Мы больше не думаем так, как они.

– Но чувствуем-то мы так же, разве нет? Я помню, кем был до той ночи. Я не слишком другой.

– Я не знал тебя раньше, – ответил Мэжнун, – но знаю тебя сейчас, и сейчас ты другой.

– Некоторые из нас, – сказал Аттикус, – считают, что лучше всего будет игнорировать новый тип мышления и перестать использовать новые слова.

– Как ты можешь заглушить слова внутри?

– Заглушить слова ты не можешь, но можешь игнорировать их. Мы можем вернуться к прежней жизни. Это новое мышление уводит нас из стаи, но собака перестает быть собакой, если она теряет чувство принадлежности.

– Не согласен, – возразил Мэжнун. – У нас есть этот новый способ мышления. Его дали нам. Почему мы не должны им пользоваться? Может быть, для нашего отличия от других есть причина.

– Я помню, – сказал Аттикус, – каково это было – бежать со своими. Но ты, ты хочешь думать, продолжать думать и думать опять. Что хорошего в том, чтобы так много думать? Я такой же, как ты. Я могу находить в этом удовольствие, но это не дает нам никакого стоящего

преимущества. Это удерживает нас от того, чтобы быть собаками, от того, что правильно для нас.

– Мы знаем то, чего другие собаки не знают. Разве мы не можем научить их?

– Нет, – ответил Аттикус. – Это они должны учить нас. Мы должны научиться снова быть собаками.

– Пес, зачем тебе мое мнение по этим вопросам? Ты хочешь быть вожаком?

– Оспоришь ли ты это?

– Нет, – ответил Мэжнун.

Собаки посидели немного, прислушиваясь к звукам ночи. В парке кишела невидимая глазу жизнь. Над ними простиралась необъятность столь же новая и влекущая, сколь и древняя. И они не могли о ней не думать.

– Интересно, прав ли говорящий странно пес? – спросил Аттикус. – Неужели у неба действительно нет конца?

– Пес красиво думает, – заметил Мэжнун, – но знает он не больше нашего.

– Думаешь, мы когда-либо это узнаем?

Мэжнун затруднялся с ответом точно так же, как затруднялся ответить самому себе на волнующие его вопросы. Временами все выглядело настолько запутанным. Он задумался, не так ли уж в конце концов неправ Аттикус. Возможно, лучше было оставаться настоящими собаками: не отделенными от других процессом мышления, частью коллектива. Возможно, все прочие попытки тщетны, или, того хуже, они лишь иллюзия, уводящая от единственно-верного. Но хотя их новый образ мышления и был докучливым – а иногда и вовсе сущим мучением – теперь он стал их частью. Зачем им поворачиваться к себе спиной?

– Когда-нибудь, – сказал Мэжнун, – возможно, мы узнаем, где заканчивается небо.

– Да, – ответил Аттикус, – когда-нибудь или никогда.

Инстинкты не подвели Мэжнуна. Он предчувствовал какой-то тет-а-тет о лидерстве в стае, и несмотря на то, что Аттикус вел туманный разговор, он все же действительно был о власти. Мэжнун, однако, не уловил всех оттенков. Аттикуса не интересовало, будет ли Мэжнун оспаривать его превосходство. Аттикус был больше Мэжнуна и, кроме того, на его стороне Фрик, Фрак, Макс и Роза. Чего действительно хотел Аттикус, так это выяснить, принадлежал ли Мэжнун к стае, которая должна была пойти по пути, выбранном для нее Аттикусом. Ничего не подозревающий Мэжнун позволил Аттикусу узнать все, что ему было нужно.

На следующий день, когда они должны были отправиться на поиски еды, Фрак, Фрик, Макс и Аттикус встретились у озера на противоположной стороне моста Хамбер Бэй Арк, вдалеке от остальных, подальше от собак без поводков.

– Я поговорил со всеми, – начал Аттикус. – Чтобы жить так, как мы должны, необходимы перемены. Некоторые смогут остаться. Кто-то – нет.

– Что насчет черного пса? – спросил Фрак.

– Он не один из нас, – промолвил Аттикус. – Он должен быть изгнан.

– Будет лучше убить его, – вмешался Макс.

– Потому что он на тебя забрался, – сказал Фрик.

– Нет, – сказал Аттикус, – пес прав. Черного нелегко просто изгнать. Некоторые из псов уже верны ему. У меня нет желания его убивать, но будет непросто, если он останется.

– А как насчет суки, у которой вагина высоко? – спросил Макс.

– Она благосклонна к черному псу, и она слишком сильна, – ответил Аттикус. – Ей придется нас покинуть.

– Пускай забирает с собой мелкую суку, – предложил Макс.

– Что насчет правил? – спросил Фрик.

– Их будет два, – ответил Аттикус. – Никакого языка, кроме нормального собачьего, и никакой иной манеры поведения, кроме собачьей. Мы будем жить так же, как должны были.

– Без хозяев? – уточнил Фрик.

– Хозяев у нас не будет, – пояснил Аттикус. – Собаки без хозяев есть единственно настоящие собаки. Трое должны уйти: большая сука, черный пес и тот, кто использует слова странным образом. Как только они исчезнут, мы сможем жить так, как должны.

– Ты собираешься бросить вызов черному псу? – спросил Макс.

– Нет, – отозвался Аттикус. – Мы должны избавиться от всех троих за раз. Мы сделаем то, что должны, и сделаем это быстро, до того, как остальные псы поймут, что к чему.

– Когда? – спросил Фрик.

– Этой ночью, – ответил Аттикус.

И хотя это и было не очень-то по-собачьи, но они разработали план вплоть до деталей, мельчайшая из которых предусматривала то, что они будут делать, если план провалится.

Принц произнес другую поэму:

*Не истинен тот свет, что движет днем,
Не верен тот, что замер после.
Лишь розовый рассвет тревожных снов
Меж перьев птиц забрезжит.*

...Макс был готов убить его прямо на месте.

После того, как псы поразмыслили над услышанным, почти все разошлись по своим подстилкам и сразу же заснули, словно убаюканные словами Принца. Только не Аттикус. Аттикус позвал Мэжнуна в парк на очередной разговор. Затем, когда в логове все притихли и раздавалось только мерное дыхание, Фрик и Фрак поднялись со своих мест. Фрик бесшумно подкрался к Белле с Афиной и с силой сжал челюсти вокруг шеи Афины, покончив с ней. Ее сдавленный визг никто не услышал.

Выждав немного, Фрак разбудил Беллу, слегка потерев ей морду.

– Они забрали маленькую суку, – сказал он.

Белла сонно поднялась, но, не увидев Афины, тотчас насторожилась, до нее наконец дошел смысл слов Фрака.

– Куда они забрали ее? – спросила она.

– Я не знаю. Мой брат отправился за ними. Я отведу тебя.

Он вел ее на улицу Блур, она пролежала через холм, неподалеку от парка, и, несмотря на ночь, была оживленной. В этом оживлении чудился свой ритм: вереница машин пронеслась с горы вниз, затем все ненадолго стихало, и вновь машины мчались с холма. У подножия, на тротуаре стоял Фрик в пятне света уличного фонаря. Он смотрел на что-то на противоположной стороне дороги.

Когда с ним поравнялись Белла с Фраком, он обратился к ним:

– Она вон там. Видите? Под фонарем.

Белла не могла разглядеть, но, похоже, под фонарем на другой стороне дороги и впрямь что-то было. Дорога могла быть довольно опасной, но когда дело касалось Афины, Белла забывала об осторожности. Она была готова на все ради единственного существа на земле, которому она была по-настоящему преданна. Она бы тут же перебежала дорогу, не скажи Фрак: «Стой! Мой брат поднимется на вершину холма и пролает, когда цвет изменится, и можно будет безопасно пересечь дорогу».

Белла нетерпеливо ждала, подпрыгивая, безуспешно пытаясь разглядеть Афины вдалеке.

– Иди сейчас, – сказал Фрак, – теперь можно.

Но, конечно, делать этого было нельзя, Фрик точно рассчитал время. Белла не прошла и четверть пути, прежде чем ее насмерть сбило такси.

В общем, убийства Беллы и Афины прошли гладко.

Убедившись, что Белла мертва, что она не двигается от окриков людей на улице, Фрик и Фрак вернулись в убежище, где, как было условлено, они с Максом прикончат Принца перед тем, как присоединиться к Аттикусу для убийства Мэжнуна.

Сложностей возникнуть не должно. Макс караулил Принца. Пес с трудом удерживал себя от того, чтобы не загрызть шелудивую дворнягу, ставшую причиной его унижения. Макс (очень медленно и тихо) подбирался все ближе к Принцу, так близко, что слышал, как тот время от времени поскуливает и фыркает во сне. Принц не мог ускользнуть. И тем не менее, когда Фрак и Фрик, крадучись, вернулись в убежище и уже были готовы вместе с Максом как можно быстрее прикончить Принца, выяснилось, что они обознались, приняв за его тело ворох человеческого тряпья. Макс был вне себя от ярости. Принц просто не мог исчезнуть! Он слушал его дыхание, радуясь, что каждый вздох может оказаться для пса последним! Троица нарезала круги вокруг убежища, подбегая к подстилкам в поисках запаха Принца, но так нигде его и не нашла.

И тем не менее, Принц был среди них.

Насильственные смерти Беллы и Афины, как ни странно, вызвали разногласия у богов. Гермес и Аполлон смотрели вниз на безжизненное тело Афины (Фрик свернул ей шею так же легко, как крысе) и на Беллу, оставшуюся лежать посреди дороги.

– Они умерли счастливыми, – сказал Гермес. – Я выиграл.

– Ты не выиграл, – возразил ему брат. – Та, что поменьше, была в ужасе, а большая волновалась за подругу. Они умерли несчастными.

– Ты несправедлив, – не согласился Гермес. – Я допускаю, что последние минуты их жизни были не из приятных. Но раньше никто из них не знал такой дружбы. Они были счастливы, несмотря на дарованный им интеллект.

– Соглашусь с тобой, – заметил Аполлон, – но что же я могу сделать? Это ты настоял на том, что решающим моментом является смерть. Мы сошлись, что если хотя бы одно из существ *умрет* счастливым, ты выиграл. На момент смерти эти двое счастливы не были. Так что ничего ты не выиграл. Но, знаешь, Гермес, уволь меня от выслушивания твоих жалоб, и уж тем более я не хочу, чтобы ты пошел к отцу. Так что у меня к тебе предложение: раз уж твоя ставка не столь сильна, как моя, я позволю тебе вмешаться в жизни этих существ. Единожды. Лишь один раз. Можешь делать, что хочешь. Но если ты вмешиваешься, ставка удваивается. Теперь это два людских года рабства для проигравшего.

– А ты не вмешиваешься?

– Зачем же мне вмешиваться? – спросил Аполлон. – Эти существа куда несчастнее, чем я бы мог их сделать. И когда они будут умирать, счастливее им не стать. Но если тебе от этого станет легче, то даю слово: я не буду прямо вмешиваться в их жизни.

– Тогда согласен, – ответил Гермес.

Пока Фрик и Фрак возвращались в убежище после убийства Беллы и Афины, Принцу приснился очень странный сон. Начался он, впрочем, довольно приятно. Пес находился в доме своего первого хозяина, в Ральстоне, Альберте, в доме, где его запах был сильнее всех прочих, в доме, где его игрушки были разложены в хитроумном порядке, в доме, где он знал каждую щель. Он направлялся на кухню, привлеченный звуком мышинной возни под деревянным полом, когда вдруг в его сне появился незнакомый пес. Странная собака была иссиня-черной, не считая ярко-голубого пятна на груди.

– Ты в опасности, – промолвил пес.

Он говорил на языке Принца безупречно, без всякого акцента.

– Как прекрасно ты говоришь, – восхитился Принц. – Кто ты?

– Тебе будет непросто произнести мое имя, – сказал пес, – но я Гермес, и я не принадлежу к твоему виду. Я хозяин всех хозяев, и я не хочу, чтобы ты здесь умер.

– Где? – удивился Принц.

И вдруг он оказался далеко от дома своего детства. Он был в Хай-парке и смотрел на себя внизу, на то, как он спал в убежище вместе с остальными. Гермес показал ему, что Макс притаился за его спиной. Он увидел Фрика и Фрака, возвращающихся в убежище. Он заметил, потому что Гермес обратил на это его внимание, место, где спали Белла с Афиной.

– Где высокая самка? – спросил он.

– Они убили ее, – ответил Гермес. – Они убьют и тебя, если ты останешься.

– Что я сделал? – спросил Принц. – Я никому не бросал вызов.

– Им не нравится, как ты говоришь, – объяснил Гермес. – Если ты хочешь жить, твой единственный выход – это изгнание.

– Но кто я без тех, кто понимает меня?

– Предпочтешь ли ты слова – жизни? – спросил его Гермес. – Подумай, ведь если ты умрешь, твой язык умрет вместе с тобой. Ты должен сейчас же проснуться, Принц. Пока я здесь, никто не может увидеть или услышать тебя, но у тебя не так много времени. Идем.

Затем последовал самый странный момент в жизни Принца. Он не знал, спит он или бодрствует, но странный пес произнес его тайное имя, имя, которое использовал его первый хозяин: Принц. Пробуждаясь ото сна на своей подстилке, он вместе с тем наблюдал вместе с Гермесом, как просыпается. Он увидел рыскающих Фрака, Фрика и Макса. Они прошли перед ним, рядом с ним, почти сквозь него. Принц едва удержался от того, чтобы не залаять, давая им понять, что он здесь, как если бы все это было игрой. Но он не залаял. Он последовал за Гермесом прочь от убежища, заходя в сам парк. Там внезапно он окончательно проснулся; Гермеса уже не было.

Принцу пришло в голову, что он, быть может, все еще во сне. Пес захотел взглянуть на себя, чтобы проверить, спал ли он на своей подстилке, рядом со своим любимым кроссовком для жевания. Но когда он шел обратно к убежищу, выбежали Макс, Фрик и Фрак. Принц тотчас же лег на землю, опустил уши и прижал хвост. Псы не заметили его. Они убежали, излучая угрозу. У Принца не было сомнений, что во сне или наяву, но Гермес сказал правду. Эти трое были кровожадны. Убедившись, что его не заметят, он исчез, и его изгнание началось со страха и тьмы.

А троица, покинув логово, отправилась на поиски Аттикуса. Они сошлись на том, что атакуют Мэждуна все вместе. Раздосадованные загадочным исчезновением Принца, Макс, Фрик и Фрак ничего теперь не хотели так сильно, как загрызть черного пса до смерти. Они так помчались к пруду, где Аттикус назначил встречу, словно там их ожидала сука в течке.

Аттикуса тяготило общество Мэждуна. Он понимал пуделя, и ему было жаль, что псу придется уйти. При иных обстоятельствах, он, может, и приветствовал бы пуделя в стае, но все было так, как было. Большую часть времени Аттикус провел, тайно оправдывая то, что должно было случиться: стая нуждалась в единстве, а единство значило, что все понимали мир одинаково, или если не мир, то хотя бы правила. Мэжнун был одним из тех, кто принял новый образ мышления, новый язык. Пес не принадлежал к их стае.

– Черный пес, – сказал Аттикус, – разве есть чувство большее, чем чувство принадлежности к чему-то?

– Нет, – ответил Мэжнун.

– И все же, – продолжил Аттикус, – иногда я боюсь, что не испытаю это чувство вновь, что я никогда вновь не узнаю, каково это быть собакой среди собак. Этот твой образ мышления,

черный пес, – это мертвое поле без конца. После перемены, случившейся с нами, я остался один на один с мыслями, которых не хочу знать.

– Понимаю, – отозвался Мэжнун. – Я чувствую то же. Но мы должны смириться, мы не можем избежать мыслей внутри нас.

– Я не согласен, – возразил Аттикус. – Быть с другими значит быть свободным от себя. Другого пути нет. Мы должны вернуться к прежней жизни.

– Если сможем ее найти, – заметил Мэжнун.

Именно в этот момент их нашли Фрак, Фрик и Макс. Макс сказал:

– Высокая сука мертва.

– Что случилось? – встревожился Мэжнун.

– Ее атаковали одни из нас, другая стая. Они сейчас рядом с нашим убежищем.

– Сколько их? – спросил Мэжнун.

– Много, – ответил Макс, – но они не такие большие, как мы.

– Мы должны защитить свой дом, – произнес Аттикус.

Фрик с Фраком побежали впереди Мэжнуна, Макс и Аттикус – по обе стороны от него. Неподалеку от поляны братья повернулись и без всякого предупреждения бросились на пуделя. Тут же к ним присоединились Макс с Аттикусом. Псы действовали быстро и беспощадно, и хотя Мэжнун пытался бежать к убежищу, они блокировали его. Все четверо кусали, вонзая зубы в его бока, шею, сухожилия на лапах, в живот и гениталии. Свершись это при свете дня, заговорщики, должно быть, радовались, видя кровь Мэжнуна. И распались бы еще сильнее, опьяненные вкусом крови и адреналином, бурлящим внутри. Если бы это был день и будь собаки менее возбуждены, они, должно быть, удостоверились бы в смерти Мэжнуна.

Псы кидались на него, пока он не перестал сопротивляться, пока не стихли конвульсии. А после бросили его умирать и вернулись на свою поляну, чтобы начать новую жизнь, которая в действительности была лишь одержимостью жизнью старой.

2. Мэжнун и Бенджи

Дом, где очнулся Мэжнун, пах арахисовой пастой и жареной печенкой. Пес лежал в плетеной корзине на толстом оранжевом одеяле, источавшем сладковатый мыльный – человеческий – аромат. Мэжнун попытался пошевелиться, но двигаться было слишком больно, да и неудобно. У него был выбрит живот, и весь он был перевязан белыми бинтами, пахнущими маслом, сосной и чем-то еще. Морда зудела, но на него был надет пластиковый конус: узким концом он прилегал к шее, а широкий торчал наружу как мегафон. Даже захоти Мэжнун почесаться, ему бы это не удалось. Все четыре его лапы были выбриты и перебинтованы. Он приподнял морду, чтобы понять, где находится, но находился он в каком-то нигде: в белесой комнате с окнами, выходящими на ярко-голубое небо.

Во время нападения – которое пес внезапно вспомнил с болезненной отчетливостью – ему казалось, что тьма, в которую он погружается, будет бесконечной. На свободе он успел немного поразмыслить о смерти; тогда он как раз решил, что она наступила. Эта белая комната, похоже, являлась доказательством того, что он все еще живой, – неожиданно, но его это разочаровало. Какой смысл жить дальше после того, через что он прошел?

В надежде узнать, где же он все-таки очутился, Мэжнун поднял морду повыше. Он попытался издать звук, но голос ослаб, и лаять было больно. Тем не менее, он гавкнул так осторожно, как только мог. Позади него послышались шаги.

– Он проснулся. – Перед Мэжнуном возникло мужское лицо.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил его человек. Женское лицо тут же вытеснило мужское.

– Как тебе повезло! Ну разве ты не везунчик? Кто это тут такой везунчик?

– Не думаю, что он сможет подняться в ближайшее время, – сказал мужчина. – Интересно, не голодный ли он.

Слово «голодный» Мэжнун знал хорошо. Пес проскулил на своем языке пару фраз, которые означали, что он и в самом деле проголодался.

– Я знаю, что тебе больно, малыш. Постарайся не волноваться, – обратилась к нему женщина. Она повернулась к мужу: – Мне кажется, он еще слишком слаб, чтобы есть.

– Может, ты и права, но давай посмотрим.

Мужчина вышел из комнаты и вернулся с тарелкой риса и рубленой куриной печенью. Он поставил еду перед собакой (пахло божественно!), расстегнул пластиковый конус и наблюдал за тем, как Мэжнун осторожно подполз к тарелке и, не поднимаясь, боком ухватил приличный кусок.

– Похоже, я ошибалась, – произнесла женщина. – Он и правда голодный.

– Не хочешь дать ему имя?

– Думаешь, нам стоит его оставить?

– Почему нет? Он будет составлять тебе компанию, когда поправится.

– Ну хорошо. Почему бы нам не назвать его лордом Джимом?

– Хочешь окрестить его в честь самой скучной книги на свете?

– Если бы хотела, то назвала его «Золотой вазой»².

Голоса мужчины и женщины напомнили Мэжнуну о том, насколько непредсказуемо непоследовательными были человеческие звуки. Когда он жил в семье, то слышал какофонию звуков, не имеющих к нему ни малейшего отношения. Вдруг из тумана этого несущественного шума возникало что-то значимое: например, произносилось его имя и уносилась миска с едой, которую он оставил на потом; или звонили в дверь, кто-то кричал, и он, единственный, оче-

² Роман Генри Джеймса.

видно, кого заботили эти эпизодические вторжения на их территорию, должен был залаять на незваного гостя или напрыгнуть на него, чтобы убедиться, что тот принимает существующую расстановку сил и не представляет угрозы ни для кого из домашних.

Пока Мэжнун ел рис с печенкой, он внимательно наблюдал за людьми, готовый наброситься на еду, если они потянутся за тарелкой.

– Как хорошо ты ешь! – воскликнула женщина. – Какой славный пес!

После, обессиленный, Мэжнун вернулся в свою плетеную корзину. Он позволил мужчине натереть себя какой-то зловонной слизью и снова закрепить конус. Когда пара оставила его одного, он заснул.

Прошло шесть месяцев, прежде чем Мэжнун смог стоять дольше нескольких минут за раз. Но и тогда он не мог опираться на заднюю лапу, сухожилия которой пострадали больше всего. Долгое время пес был фактически трехлапым. Но едва ли не большим унижением для него стало не иметь возможности справлять нужду на улице. Новые хозяева подлили масла в огонь, надевая на него трусы. Меняли они их регулярно, но не всегда так быстро, как ему хотелось бы.

Пока пудель шел на поправку, ему почти нечего было делать, кроме как лежать на подстилке и думать о жизни: о своей жизни, о жизни вообще. Это причиняло ему боль, потому что мысли неизбежно возвращались к той ночи, когда его предали. Его предал пес со свисающей мордой. Мэжнун открыл ему свои мысли и сердце, стараясь выразить себя, чувствуя их родство. В ответ же пес со свисающей мордой попытался его убить. И все же иногда Мэжнуну чудилось, что другие псы правильно поступили, напав на него. Он так отдалился от своих инстинктов, что стало неясно – даже ему самому, – заслуживает ли он жить как собака.

На протяжении нескольких месяцев единственным, что отвлекало пса от порой болезненных размышлений, были его новые хозяева. Они очаровывали и разочаровывали в равной степени. Если бы его попросили охарактеризовать мужчину и женщину, что бы он ответил? Как, к примеру, рассказать об их запахах – еды и пота, перебиваемых чем-то трудноопределимым? Обычно от хозяев пахло чем-то необычным, но больше всего Мэжнуну нравился их запах, когда они спаривались. Он был резким, настоящим и успокаивающим, так что после того, как мужчина и женщина перенесли лежанку пса в свою спальню, его сон стал крепче, запах их совокупления действовал на него как успокоительное. Он постепенно узнавал все больше об их языке, выходя за рамки базовых понятий. Для начала он разобрался в нюансах тона. Например, один человек говорит с другим, его голос идет наверх, и чувствуется ожидание, пока тот, к кому обратились, не заговорит в ответ. Тон, казалось, значил больше, чем слова. Было всегда немного странно, когда хозяева обращались с той же восходящей интонацией к нему, словно ожидая ответа, словно рассчитывая, что он их понимает.

– Ты голоден, Джим?

– Хочешь на улицу, Джим?

– Джимми замерз? Ты не замерз, лорд Джим?

По сути, именно увлечение Мэжнуна оттенками интонаций привело к первым серьезным конфликтам с женщиной. Большую часть времени он проводил с ней. Она часами просиживала за этим столом, вставая только за тем, чтобы размяться, обратиться к псу или принести чашку из кухни. Однажды она поднялась, потянулась, подошла к его корзине, почесала его по загривку и спросила:

– Ты не голоден, Джим? Хочешь поесть?

Мэжнун поразмыслил над ее словами и ответил:

– Да.

«Да» давалось ему тяжело, и он упорно упражнялся в произношении, отрабатывая также «нет» и другие важные слова. Он тренировался кивать в знак согласия и качать головой слева

направо в знак несогласия. Когда женщина спросила, хочет ли он поесть, он не был уверен, что сработает лучше: кивок или «да». Спустя пару мгновений после своего ответа он по-прежнему пребывал в сомнениях, потому что женщина застыла, глядя на него. Сбитый с толку ее реакцией, Мэжнун взглянул ей в глаза, кивнул и повторил вновь:

– Да.

Женщина часто-часто задышала и рухнула на пол. Несколько минут она не шевелилась. Не зная, что делать – раньше он никогда не сталкивался с внезапной неподвижностью человека, – Мэжнун опустил морду, облизал лапу и стал ждать. Через некоторое время женщина зашевелилась, что-то бормоча под нос, и поднялась. «Возможно, – решил Мэжнун, – она не уверена, правильно ли меня поняла». Он взглянул на нее, кивнул и сказал:

– Еда.

На этот раз она вскрикнула и в ужасе выбежала из комнаты. Мэжнун подумал, что простота диалога – повышение тона, соответствующий ответ – оказалась обманчивой. Правда, когда мужчина говорил «да» или «еда», женщина от него не убегала. Возможно, подумал пес, дело было в каком-то сопровождающем звуке, который он пропустил: щелчке языком, поскуливании или тихом рычании. Впрочем, он не мог припомнить, чтобы мужчина издавал нечто подобное. Самое большее – клал руку женщине на плечо, когда говорил. Тогда, может быть, Мэжнуну следовало коснуться ее прежде, чем сказать «да»? В следующий раз, решил пес, трону ее за плечо, если она наклонится.

Однако последствия этого эпизода были настолько неприятными, что «следующий раз» наступил очень скоро. Женщина теперь боялась его, это было ясно. Она не входила в комнату, если пес был там. Мужчина отвел Мэжнуна в какое-то место, где его оставили на ночь. На следующий день пса щупали, тыкали иголками, кормили едой без вкуса и держали в клетке для наблюдения рядом с другими собаками, которые, почувствовав его запах, становились агрессивными. Вот чем был человек – непредсказуемость, жестокое обращение, издевательства. Хуже всего оказалось то, что в этом ослабленном состоянии он не мог открыть дверцу клетки. Ему пришлось подчиниться судьбе.

Это событие стало для него хорошим, пусть и неожиданным уроком. Он наверняка бы попытался пообщаться с кошками или белками, мышами или птицами, если бы смог разобрататься в их языке. Он попробовал бы наладить контакт с любым из видов. Но теперь Мэжнун решил твердо скрывать свое знание человеческого языка от самих людей. Было очевидно, что по какой-то причине они не могли вынести разговаривающих с ними собак.

На третий день женщина вернулась за ним сама. Когда соседи по лечебнице устали его облаивать и Мэжнуна уже начало клонить в сон, дверь комнаты распахнулась, и вошла женщина, с одним из тех мужчин, которые держали его, чтобы человек в белом взял у него кровь. Мужчина открыл его клетку, и, не без трепета, Мэжнун последовал за женщиной.

На улице он подумал было бежать. Погода манила: стояла поздняя весна, солнце, еще не скрывшееся за горизонтом, окрашивало закатными лучами небо вдалеке за зданиями. Но Мэжнуну все еще мешали его травмы, боль, которую он испытывал, переходя на трусцу. Он не смог бы бежать долго и только измотал бы себя или, что еще хуже, заблудился бы. Поэтому он забрался на заднее сиденье машины. Вместо того, чтобы занять водительское место, женщина подсела к нему.

– Прости, что отправила тебя в это место, – сказала она, – но ты меня напугал. Понимаешь?

Готовый к любым последствиям, но твердо решивший не произносить человеческие слова, Мэжнун кивнул.

– Что ты такое? – спросила она. – Ты пес?

На удивление сложный вопрос. Он не очень-то ощущал себя псом, скорее – застрявшим между видами. Но он знал, что она подразумевала под этим словом, поэтому снова кивнул.

– Ты должен понять, что собаки не разговаривают с людьми. Такого никогда не случилось, насколько мне известно. Я думала, ты одержимый. Вот почему я испугалась. Как тебя зовут?

Этого Мэжнун сказать не мог – не только потому, что «Мэжнун», имя, которое дал ему хозяин, трудно произнести; и не только потому, что он не хотел больше разговаривать; но и потому, что ему казалось, будто у него больше нет настоящего имени. Он посмотрел на женщину и покачал головой.

– Меня зовут Нира, – представилась она. – Не возражаешь, если я буду звать тебя Джимом?

Немыслимый вопрос. Мэжнун не мог понять, что именно Нира хотела узнать. Согласен ли он на «Джима»? Да, почему бы и нет? Будет ли ему неприятно, если она будет обращаться к нему «Джим»? Нет. Он поднял на нее взгляд и, раздумывая над подходящим сигналом, кивнул.

– Ты никогда не заговоришь со мной вновь, не так ли? – спросила Нира.

Еще один сложный вопрос. Мэжнун не собирался использовать человеческие слова, но, насколько ему было известно, он с ней *разговаривал*. В этот раз он ничего не ответил и отвернулся к окну, чтобы взглянуть на залитый светом парк на противоположной стороне улицы.

– Неважно, – сказала Нира. – Это моя вина. Ты не обязан говорить, если не хочешь.

И за все время вместе Нира ни разу сама не попросила пса об этом. Наоборот, его молчание ее даже восхищало. Мэжнун редко лаял. Он не видел смысла в использовании языка, который, как ему было известно, Нира не понимала. Все свои потребности и большинство своих мыслей он выражал кивком или покачиванием головы. По мере их сближения, Нире требовалось и того меньше. Она научилась считывать выражение его морды, положение тела, наклон головы.

Однако в тот момент, когда эти двое сидели на заднем сиденье «Хонды Сивик», сложно было предположить, что между ними возникнет нечто вроде понимания или дружбы. Нира все еще боялась Мэжнуна. Да, он заметно хромал, ему часто требовались передышки, ей было жаль пуделя. Поэтому они и выбрали его тогда в Хай-парке, увидев, как он цепляется за жизнь. Но мысль о том, что в их доме поселилось разумное существо, что она впустила это существо в свою спальню, в самое сердце своей личной жизни... Эта мысль была столь же унижительной, сколь и пугающей. Ей потребовалось немало времени, чтобы преодолеть это. К слову, Мэжнун больше никогда не спал в ее спальне, и она смущалась всякий раз, когда заставляла его за вылизыванием гениталий.

Сблизиться этим двоим помогло молчание Мэжнуна. Это было особое молчание, приглашающее к размышлению. Поначалу Нира болтала с ним обо всяких бытовых вещах: о работе, ремонте, мелочах, которые раздражали ее в муже, Мигеле. Постепенно она начала открываться, и разговоры ее становились глубже: она делилась мыслями о жизни и смерти, о чувствах к другим людям, о беспокойстве за свое здоровье – она пережила рак и временами боялась рецидива.

И хотя Мэжнун не был умнее, Нира отдавала должное его мудрости, которая, по ее мнению, объяснялась его уникальной ситуацией. Но ей не всегда приходило в голову, что эта же уникальность и ограничивала способность пса вообразить себе ее заботы или понять их. Например, когда она пожаловалась на ужасную неопрятность мужа и его отвратительную привычку стричь ногти и после грызть обрезки, Мэжнун взглянул на нее в крайнем недоумении. Эта манера Мигеля ухаживать за собой казалась ему естественной. Она что, сама предпочла бы грызть обрезки его ногтей? В другой раз, когда он лежал в своей плетеной корзине, Нира спросила:

– Ты веришь в Бога?

Мэжнун никогда прежде не слышал этого слова. Он склонил голову, словно прося ее повторить вопрос. Нира, как могла, постаралась объяснить концепцию, выраженную этим словом. Насколько Мэжнун смог понять, «Богом», похоже, называли «хозяина всех хозяев». Верил ли он в такое существо? Эта мысль никогда не приходила ему в голову, но он допускал, что

такой хозяин существует. Поэтому когда Нира повторила вопрос, он утвердительно кивнул. Это был не тот ответ, который она хотела услышать.

– Как можно верить в такую нелепость? – воскликнула она. – Полагаю, ты считаешь, что Бог – это пес?

Мэжнун так не думал. Он лишь верил в возможность существования этого «бога», каким его описала Нира, так же, как верил, что существует где-то сука в нескончаемой течке. «Хозяин всех хозяев» был некой абстрактной идеей, которая его, впрочем, не волновала, поэтому он не мог понять презрения Ниры. Подобные разногласия возникли у них и насчет «правительства» (группы хозяев, решающих, как должна жить стая) и «религии» (группы хозяев, определяющих взаимоотношения стаи и хозяина всех хозяев). Чем больше Нира говорила об этом, тем труднее Мэжнуну было поверить в то, что любая группа хозяев – особенно людей – способна действовать согласованно, вне зависимости от цели. Так что и «правительство», и «религия» казались ему ну очень сомнительными концепциями.

Возможно, самый неловкий момент настал, когда Нира спросила, любил ли он когда-нибудь другую собаку. Как и в случае с «Богом», Мэжнун понятия не имел, что значит слово «любовь». На протяжении нескольких дней Нира, как могла, пыталась объяснить ему все оттенки этого чувства, но Мэжнун нашел ее определения противоречивыми, пугающими и расплывчатыми. Слово никак не соответствовало тем эмоциям, которые он мог распознать, но рассуждения Ниры были достаточно интригующими, и он слушал их с интересом. Она же не сомневалась, что любое животное, столь чувствительное, как Мэжнун, *должно* было познать любовь.

– То, что ты испытывал к своей матери, – сказала она, – это одно из многих значений любви.

Но если бы Мэжнун и помнил свою мать, их знакомство было слишком коротким, чтобы пробудить какие-либо особые эмоции. Других кандидатов на место в его сердце не нашлось. Его хозяин? Хозяин – это хозяин, им верны по привычке, от страха или по необходимости. Конечно, Мэжнун был счастлив в щенячестве. Он был благодарен своему хозяину. Стоило псу только помыслить о нем, и в памяти тут же всплывали моменты чистого удовольствия от погони за мячом, брошенном на поле; беспримесная радость. Но в том, что касалось его хозяина, эмоции Мэжнуна были куда более сложными и темными, чем «любовь» – было в них место и обиде, и неприязни. Нет, если обращаться к человеческому языку, Мэжнун предпочел бы описать свои чувства к хозяину словом «верность». (По этой же причине несмотря на то, что сам он чувствовал себя безымянным, ему было бы приятнее, если бы Нира звала его Мэжнуном – именем, данным ему хозяином.)

По отношению к другим собакам он не испытывал таких сложных чувств, как преданность, не говоря уже о том, что пыталась описать Нира. Насколько он мог судить, его отношения с сородичами были довольно простыми: псы делились на тех, над кем можно было доминировать, и на тех, над которыми нельзя. Поскольку они могли укунить тебя или взобраться сверху, когда тебе этого не хотелось, лучше всего было не усложнять эмоции и уметь прямо о них заявлять.

Некоторое время спустя Мэжнун уверовал, что «любовь», о которой говорила Нира, была и навсегда останется вне его понимания. Когда однажды она сказала: «Мигель – это мой партнер. Я его люблю», – вопросы любви успели уже порядком ему наскучить. Чтобы закрыть уже эту тему, пес кивнул, когда она уточнила, понимает ли он. Оба они, впрочем, знали, что он врет. (Так уж вышло, что лжец из Мэжнуна был никудышный – врал он с чрезмерным, не свойственным ему энтузиазмом.) Это и стало камнем преткновения.

Восемь месяцев под одной крышей они встретили, споря о любви, и к этому моменту сотни мелочей привязали их друг к другу. Она знала, что он любит есть. Он знал, что ее нельзя беспокоить во время работы. Он помогал ей прибираться в доме, узнав, где что стоит, и стара-

ясь возвращать вещи на место, когда это было ему по силам. Она следила за его игрушками и покупала новые взамен изгрызенных, которые уже не приносили бывшего удовольствия. Иными словами, к восьмому месяцу совместной жизни Нира и Мэжнун стали друзьями.

К этому времени пес уже мог ходить без острой боли и даже, если нужно, двигаться короткими перебежками. Сухожилия лапы, которой досталось больше всего, зажили, хотя он все равно старался не наступать на нее в полную силу. Повязки давно сняли, и, если не считать правое ухо, кончик которого отгрыз Макс, Мэжнун выглядел как более или менее рядовой пудель.

Мигель предложил Нире выводить пса на более длительные прогулки, – и не куда-нибудь, а в Хай-парк, что было, разумеется, странной идеей. Хотя Нира не скрывала от мужа чувствительности Мэжнуна, а сам он частенько видел их за подобием светской беседы, Мигель не верил, что пес и Нира всерьез могли общаться. Скорее, он думал, что Мэжнун понимает некоторые слова, но в остальном кивает или качает головой наугад. Когда Нира в ужасе сообщила ему, что собака с ней заговорила, он рассмеялся и ничего не мог с собой поделать. В его понимании вся эта «коммуникация животного с человеком» была явлением того же порядка, что увлечение жены викканством и идеями Мэри Дейли, лесбийские опыты и разговоры о священном начале своей вагины. Мэжнун, безусловно, был сообразительным, но не в человеческом смысле этого слова – он не обладал хорошей памятью или способностью ясно излагать мысли. В общем Мигель ни на секунду не задумался о возможных проблемах, связанных с прогулками в том самом парке. Некоторые из них были вполне бытовыми, другие же – психологическими. Взять, например, поводки – Нира понятия не имела, как с ними быть. На некоторых участках Хай-парка выгул собак без поводков был запрещен. Женщина же считала унижительным выводить Мэжнуна на привязи, как если бы он был, ну... псом. Сам Мэжнун не имел мнения по этому вопросу. Ношение ошейника его не оскорбляло, но он ясно увидел ограничения, с ним связанные, когда на него кинулись агрессивные собаки. Они с Нирой условились, что поводок будет приметан к зеленому кожаному ошейнику тонкими нитками. При малейшем рывке нитки бы порвались, и Мэжнун смог бы постоять за себя, не теряя лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.